

А. Э. Еремеев¹, Э. И. Коптева²

✉ eleonora_kopteva@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация²Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация

Ода Г. Р. Державина «Бог» и антропологическая концепция Л. Н. Толстого в романе-эпопее «Война и мир»

Аннотация: Осмысление национального мирообраза в сопоставлении художественных миров поэзии Г. Р. Державина и романа-эпопеи Л. Н. Толстого – основная проблема данной статьи. В материалах исследований Н. Д. Блудилиной представлены прямые упоминания имени Державина в произведениях Толстого, вместе с тем образные сближения с лирикой Державина в прозе Толстого не становились предметом литературоведческого анализа. Вопрос о специфике национального мировосприятия, отраженного в искусстве и других видах человеческой деятельности, рассматривался в работах Г. Д. Гачева. В современном литературоведении проблема национального мирообраза осмысливается в работах таких литературоведов, как А. С. Янушкевич, Е. Е. Приказчикова, О. Ю. Поляков и др. Указанная проблематика представлена также в исследованиях по имагологии и компаративистике в связи с комплексным изучением мировосприятия разных народов и культур. В нашем исследовании используются целостный, типологический, сравнительно-исторический виды анализа. Опираясь на представленный в статье литературоведческий анализ, мы отмечаем, что творчество Державина переосмыслилось Толстым не только в период работы над романом-эпопеей «Война и мир», но и на протяжении всей жизни. Особенный интерес писателя проявился к зрелой лирике Державина, отражающей художественную концепцию жизни, сложившуюся в глубоком синтезе разнородных традиций (фольклорной, библейской, национальной, античной, европейской). Принцип «по образу и подобию» (отражение космического всеединства в малом, Творца в творении) сближает образные системы Державина и Толстого. Ода «Бог» концентрирует указанный принцип, становясь выражением национального мирообраза, сформировавшегося в светской литературной традиции послепетровской эпохи. В дневниках Толстого раскрывается трансформация идей духовной оды Державина, тогда как в романе-эпопее писатель художественно переосмысливает глубину идейно-образного мира поэта, что находит отражение в метафорической системе произведения, формировании целостного мира героев, особенно Пьера Безухова. Осмысление мира индивидуальным сознанием, личностное созревание человека в семейно-родовом круге, историко-социальных, общественных течениях, событиях национального масштаба, сопряжение личного и общечеловеческого – всё это приближало Толстого к изучению эпохи рубежа XVIII–XIX вв. – первой трети XIX в. Творчество Державина стало одним из источников работы над романом-эпопеей «Война и мир» и повлияло на идейно-образную систему произведения, отражая сложившийся национальный мирообраз нескольких поколений.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, ода Бог, Л. Н. Толстой, роман-эпопея Война и мир, принцип по образу и подобию, космизм, мирообраз, имагология, комета Наполеона.

Дата поступления статьи: 19 декабря 2023 г.

Для цитирования: Еремеев А. Э., Коптева Э. И. (2024) Ода Г. Р. Державина «Бог» и антропологическая концепция Л. Н. Толстого в романе-эпопее «Война и мир». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 7–16. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.1.

Scientific article

A. E. Eremeev¹, E. I. Kopteva²

✉ eleonora_kopteva@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation²Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

G. R. Derzhavin's ode "God" and L. N. Tolstoy's anthropological concept in the epic novel "War and peace"

Abstract: The comprehension of the national worldview in the comparison of the artistic worlds of G. R. Derzhavin's poetry and L. N. Tolstoy's epic novel is the main problem of this article. The research materials of N. D. Bludilina present

© А. Э. Еремеев, Э. И. Коптева, 2024

direct mentions of Derzhavin's name in Tolstoy's works, at the same time, figurative approaches to Derzhavin's lyrics in Tolstoy's prose did not become the subject of literary analysis. The question of the specifics of the national worldview reflected in art and other types of human activity was considered in the works of G. D. Gachev. In modern literary studies, the problem of the national worldview is comprehended in the works of such literary critics as A. S. Yanushkevich, E. E. Prikazchikova, O. Y. Polyakov, etc. This problem is also presented in studies on imagology and comparative studies in connection with the comprehensive study of the worldview of different peoples and cultures. Our research uses holistic, typological, comparative-historical types of analysis. Based on the literary analysis presented in the article, we note that Derzhavin's work was reinterpreted by Tolstoy not only during the period of work on the epic novel "War and Peace", but also throughout his life. The writer's special interest was shown in Derzhavin's mature lyrics, reflecting the artistic concept of life formed in a deep synthesis of heterogeneous traditions (folklore, biblical, national, antique, European) traditions. The principle of "in the image and likeness" (reflection of the cosmic unity in the small, the Creator in creation) brings together the figurative systems of Derzhavin and Tolstoy. The ode "God" concentrates this principle, becoming an expression of the national worldview formed in the secular literary tradition of the post-Petrine era. Tolstoy's diaries reveal the transformation of the ideas of Derzhavin's spiritual ode, whereas in the epic novel the writer artistically rethinks the depth of the poet's ideological and imaginative world, which is reflected in the metaphorical system of the work, the formation of an integral world of heroes, especially Pierre Bezukhov. The comprehension of the world by individual consciousness, the personal maturation of a person in the family and ancestral circle, historical, social, social trends, national events, the conjugation of personal and universal – all this brought Tolstoy closer to studying the epoch of the turn of the 18th–19th centuries – first third of the 19th century. Derzhavin's work became one of the sources of work on the epic novel "War and Peace" and influenced the ideological and figurative system of the work, reflecting the established national worldview of several generations.

Keywords: G. R. Derzhavin, ode God, L. N. Tolstoy, epic novel War and Peace, the principle in the image and likeness, cosmism, world image, imagology, Napoleon's comet.

Paper submitted: December 19, 2023.

For citation: Ereemeev A. E., Kopteva E. I. (2024) G. R. Derzhavin's ode "God" and L. N. Tolstoy's anthropological concept in the epic novel "War and peace". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 7–16. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.1.

Введение

Прямых упоминаний имени Г. Р. Державина в произведениях Л. Н. Толстого не так много. Этот вопрос довольно подробно освещен в исследованиях Н. Д. Блудилиной (Блудилина). Известно, что творчество поэта вспоминается в повести «Детство», в «Педагогических статьях», в дневниках и редко – в других произведениях Толстого. Мы обращаемся к сопоставлению художественных образов Державина и Толстого, посредством анализа определяя сближение мирообразов двух художников слова.

Методы

Вопрос о национальных мирообразах в искусстве и в литературе в частности подробно раскрывается в исследованиях Г. Д. Гачева (Гачев, 1981; Гачев, 1988; Гачев, 2015). В современном литературоведении пути осмысления особенностей национального мировосприятия, выраженных в художественном творчестве, базируются на исследовании мирообраза в национальной традиции, с одной стороны, и в инонациональной рецепции, с другой. Указанные направления привели к формированию такой отрасли компаративистики, как имагология. Как отмечает О. Ю. Поляков, «Современная имагология, исследующая категории своего/чужого и их воплощение, прежде всего, в текстах литературы, опирается на структурно-функциональный метод: ее задача заключается в том, чтобы выявить компоненты национального образа, охарактеризовать его в историко-культурном контексте и определить, как он воплощается в текстовых структурах в качестве некоего "воображаемого", "дискурсивной сущности"» (Поляков, 2015). Литературоведческие словари пока не выделяют для научного описания и осмысления понятие «мирообраз» (Литературная энциклопедия, 2001; Поэтика, 2008), вместе с тем понятие «имагология» включается в словарную статью «Компаративистика» (Поэтика, 2008, с. 101). В настоящий момент к исследованию мирообраза обращаются многие ученые (см., например, Панова, 2007; Кошечко,

2011; Янушкевич, 2013; Приказчикова, 2019), что позволяет говорить об актуальности указанной проблематики. Следует отметить, что указанные направления анализа связаны с феноменологическим подходом к осмыслению художественного целого.

Результаты

В связи с проблематикой нашего исследования обратимся более подробно к конкретным примерам. В романе-эпопее «Война и мир» *единственное* прямое упоминание о Державине дано следующим образом: «После рыбы, которая произвела некоторое впечатление, граф Илья Андреич переглянулся с другими старшинами. – “Много тостов будет, пора начинать!” – шепнул он и взяв бокал в руки – встал. Все замолкли и ожидали, что он скажет.

– Здоровье государя императора! – крикнул он, и в ту же минуту добрые глаза его увлажнились слезами радости и восторга. В ту же минуту заиграли: “Гром победы раздавайся”. Все встали с своих мест и закричали ура! И Багратион закричал ура! тем же голосом, каким он кричал на Шенграбенском поле. Восторженный голос молодого Ростова был слышен из-за всех 300 голосов. Он чуть не плакал» (Толстой, 1938, т. 10, с. 20).

Строчка из гимна, написанного Г. Державиным и О. Козловским, в связи с взятием крепости Измаил в 1791 г., в данном контексте соединяется не только с изображением гражданского пафоса, читатель узнает то мироотношение, что органично передано в лирике Державина: бытовая ситуация, вкусовые реакции иронично сопрягаются со множеством голосов русского воинства, однако это вовсе не вредит эпической целостности, напротив, рыба, застолье, тосты, гимн, багратионовское «ура!», голос Ростова, 300 других голосов создают образ настоящего пира – державинское мироощущение:

...Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ...¹

Подобное личностное мироощущение характерно для героев Толстого, рожденных в конце XVIII столетия, – особенно Пьера и почти всего семейства Ростовых. Подобный миробраз парадоксально отзывается в восприятии философских идей Державина. Не случайно, что образные сближения связывают с державинским миром именно Пьера. Поясним. Ода «Бог» волновала Толстого на протяжении многих лет. «В данном случае Толстой увидел в содержании оды не богословское, а только философское понятие Бога как воплощения бесконечности мироздания», – отмечает Н. Д. Блудилина.

Так, в дневниках 1895–99 гг., написанных примерно спустя три десятилетия после создания «Войны и мира», автор поясняет строчку из оды «Бог»: «Я раб, я червь, я царь, я Бог. Раб и червь – правда, а царь и Бог неправда. Напрасно люди придают особенное значение и величие своему разуму. Пределы человеческого разума очень недалеко и тотчас же видны. Пределы эти: бесконечность пространства и времени. Человек видит, что окончательные ответы на вопросы, кот[орые] он задает себе, всё удаляются и удаляются, и во времени, и в пространстве, и в обеих областях этих последнего ответа нет, п[отому] ч[то] обе области бесконечны. Разум человека имеет пределы очень недалекие. Он вполне годен только на ответы о том, как жить человеку. Только в этой области он дает окончательные ответы» (Толстой, 1953, т. 53, с. 232–233). Отметим, что Толстой изменяет последовательность слов в державинской строке: «Я царь – я раб – я червь – я Бог!». Писатель выстраивает ее согласно собственной логике: сначала низкое (раб, червь), затем – высокое (царь, Бог). Соответственно, державинская мысль теряется и превращается в размышление Толстого, разделяющее ложь и истину. Близкое осмысление мы видим в романе-эпопее: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, – то уничтожится возможность жизни» (Толстой, 1940, т. 12, с. 238).

¹Здесь и далее тексты Державина цитируются по дореволюционному изданию под ред. Я. Грота, поскольку в более поздних изданиях меняется не только графика, но и пунктуация (Державин, 1864, т. 1, с. 135).

Еще позднее в дневниках 1907–1908 гг. Толстой отмечает: «Основа всякому разсужденію о мірѣ, о Богѣ одна: сознание челоуѣкомъ своего единства съ началомъ всего, своей божественност[и] и вмѣстѣ съ тѣмъ сознание своей отдѣленности, своей ничтожности. “Я царь, я Богъ, я рабъ, я червь”. Зачѣмъ? Отчего я такой, я не знаю, не могу, не хочу и не нуждаюсь знать, но знаю, и в[с]які[й] знаетъ, что я – и Все и ничто. Въ соединені[и] этихъ двухъ есть то, что мы называем[ъ] и сознаемъ жизнью. Я – все, я единъ и я отдѣленъ. Отъ того, что я отдѣленъ, отъ этого я тѣлесенъ и я въ движеніи, а тѣлесность можетъ быть только при пространствѣ, а движеніе – только при времени. Какъ единое же существо, я безтѣлесенъ, неподвиженъ, внѣ пространства и времени. Благо мое въ сознаниі этого един[ства] въ отдѣленномъ. (Думаю, что вѣрно)» (Толстой, 1937, т. 56, с. 139). В этом рассуждении меняется и державинская строчка, и собственные ее переживания, высказанные около десятилетия назад.

Итак, на протяжении многих лет писатель пытался логически определить свое понимание державинской мысли, однако образно это осмысление будет выражено намного раньше, во внутренней речи Пьера, пережившего плен и гибель Каратаева: «“Жизнь есть всё. Жизнь есть Бог. Всё перемещается и движется, и это движение есть Бог. И пока есть жизнь, есть наслаждение самосознания Божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднее и блаженнее всего любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий”.

– “Каратаев!” вспомнилось Пьеру.

И вдруг Пьеру представился, как живой, давно забытый, кроткий старичок учитель, который в Швейцарии преподавал Пьеру географию. – “Постой”, сказал старичок. И он показал Пьеру глобус. Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею. – Вот жизнь, – сказал старичок учитель.

“Как это просто и ясно”, подумал Пьер. “Как я мог не знать этого прежде”.

– В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать Его. И растет, сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он Каратаев, вот разлился и исчез. – Vous avez compris, mon enfant, – сказал учитель» (Толстой, 1940, т. 12, с. 158).

Аллюзия на стихотворение Державина здесь очевидна:

Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
<...>
Ничто! – Но Ты во мнѣ сіяешь
Величеством] Твоих] доброт];
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водѣ (Державин, 1864, т. 1, с. 199–200).

Здесь очень важен своеобразный «перенос» точки зрения: в державинском стихотворении человек представляет, как Бог видит земной тварный мир, человек пытается встать на точку зрения Бога; это же человеческое «я» ощущает Бога в себе и создает образ отражения большого, вечного в малом, ничтожном. Пьер, смотрящий на глобус-шар сверху вниз, подобно Богу, видит устройство мироздания, его целостность.

Хотелось бы отметить, что Державин и Толстой, на наш взгляд, отсылают к библейскому первоисточнику: книге пророка Исайи. «Кто исчерпал воды горстью своею и пядью измерил небеса, и вместил в меру прах земли», «Вот народы – как капля из ведра, и считаются как пылинки на весах» [Исаия 40:12; 40:15] (см. на близкие по смыслу слова из книги Иова: «Есть ли у дождя отец? или кто рождает капли росы?» [Иов 38:28]). В цитируемой библейской книге ставится

вопрос: «Итак кому уподобите вы Бога? И какое подобие найдете Ему?» [Исаия 40:18]. Принцип «по образу и подобию» христианское сознание разворачивает по отношению ко всему мирозданию. Именно этот принцип становится ведущим в духовной оде XVIII в.:

... Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію живот] даришь (Державин, 1864, т. 1, с. 197).

(Ср. с цитатой из «Астрономики» Марка Манилия: «Exemplumque Dei quisque est in imagine parva», Manilius. Astr. 4, 895; лат. Каждый есть изображение Бога в малом виде. Цит. по: Михельсон, 1896–1912).

Державинский образ «цепи существ» является конструктивным, объясняющим устройство вселенной. Принцип подобия в осмыслении Толстого также переносится и на работу мысли, и воображения (метафорический перенос). В сознании Пьера этот путь постижения всего и вся определяется словом «сопряжение»: «Самое трудное (продолжал во сне думать или слышать Пьер), состоит в том, чтоб уметь соединять в душе своей значение всего. Всё соединить?» сказал себе Пьер. – «Нет, не соединить. Нельзя соединять мысли, а *сопрягать* все эти мысли, вот что нужно! Да, *сопрягать надо, сопрягать надо!*» с внутренним восторгом повторил себе Пьер, чувствуя, что этими именно, и только этими словами выражается то, что он хочет выразить, и разрешается весь мучающий его вопрос.

– Да, сопрягать надо, пора сопрягать.

– Запрягать надо, пора запрягать, ваше сиятельство! Ваше сиятельство, – повторил какой-то голос, – запрягать надо, пора запрягать...

Это был голос берейтора, будившего Пьера. Солнце било прямо в лицо Пьера» (Толстой, 1940, т. 11, с. 294).

Высокий план изображения, характерный для оды, откровения, переживаемого героем, разбирается авторской иронией: герой недоволен, что его сон-размышление прерван. Тем самым автор переключает читателя из отвлеченного мыслительного потока к бытовой жизни, неразрывно связанной со всеми переживаниями, идеями, теориями, но неизмеримо большей, чем все они, вместе взятые. Этот взгляд автора сходен с державинским отношением к жизни, в которой невозможно разъединить философские раздумья, поэтическое вдохновение, службу, бытовой мир, любовь, дружбу и т. д. Полнота и неисчерпаемость жизненной формы естественно переданы в художественной форме. Об этом процитированном нами фрагменте Л. Я. Гинзбург пишет: «Человек у Толстого не ограничен своим характером. <...> герой Толстого – больше, чем характер. То есть он действует не только как характер, но и как тот, в ком проявляются, через кого познаются законы и формы общей жизни. <...> для людей XIX века мериллом литературной психологии оставался герой, выделенный персонаж со своей судьбой, которая завязывается и развязывается в границах романа. Они не всегда могли уловить высшую связь, присутствующую в романах Толстого, надындивидуальную связь явлений постигаемой действительности» (Гинзбург, 1977, с. 302).

Так, самосознание Пьера отражено в следующем фрагменте: «По всему двору был разлит мирный, радостный для Пьера в эту минуту, крепкий запах постоянного двора, запах сена, навоза и дегтя. Между двумя черными навесами виднелось чистое, звездное небо» (Толстой, 1940, т. 11, с. 292). Мироощущение Державина, по всей видимости, близко не только героям Толстого, родившимся в конце XVIII столетия, но и самому автору. Образ звездного неба – один из акцентов русской поэзии – становится лейтмотивом романа-эпопеи: «Глядя на высокое звёздное небо, на месяц, на комету и на зарево, Пьер испытывал радостное умиление. “Ну вот как хорошо, чего еще надобно?” подумал он. И вдруг, когда он вспомнил свое намерение, голова его закружилась, с ним сделалось дурно, так что он прислонился к забору, чтобы не упасть» [во время пожара Москвы. – Э. К.] (Толстой, 1940, т. 11, с. 377).

Сравните :

Жива душа моя! – и вѣчно
Она жить будетъ, безъ конца;
Сіянье длится безпрѣсечно,
Текуще свѣта отъ Отца.
Отъ лучезарной Единицы,
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія ни текутъ частицы,
Всѣ живы, вѣчны: – вѣченъ духъ
(«Безсмертіе души», Державин, 1865, т. 2, с. 2).

Державинский космизм, образ мироздания, объединяющий центростремительные и центробежные движения (вспоминаем любимый эпитет Толстого «круглый»), герой, наблюдающий за кометой, – всё это отсылает не только к поэзии Державина, но и к его запискам. Известно из писем Толстого, что записки он перечитывал во время работы над романом-эпопеей. Напомню, что о комете Де Чезо вспоминает Державин в начале автобиографии, соотнося этот образ с первым сказанным им словом «Бог!» (Державин, 2000, с. 9). Интересно, что во время пожара Москвы в сентябре 1812 г. большая комета (официальное обозначение С/1811 F1), открытая Оноре Флагерье, уже не была видна на небе (Колесников, 2023). Очевидно, что именно художественные задачи требовали от автора соединить в сознании Пьера комету, пожар столицы и звездное небо: «Ночь была теплая и светлая. Налево от дома светлело зарево первого начавшегося в Москве, на Петровке, пожара. Направо стоял высоко молодой серп месяца, и в противоположной от месяца стороне висела та светлая комета, которая связывалась в душе Пьера с его любовью» (Толстой, 1940, т. 11, с. 377).

У Толстого именно отношение героев к небу, солнцу определяет их дальнейший путь. Здесь в резкой оппозиции находятся Андрей и Наполеон, Пьер и Наполеон. Рассмотрим последовательно, как они даны в тексте, следующие фрагменты:

«...на высоте, на которой стоял Наполеон, окруженный своими маршалами, было совершенно светло. Над ним было ясное, голубое небо, и огромный шар солнца, как огромный пустотелый багровый поплавок, колыбался на поверхности молочного моря тумана» (Толстой, 1937, т. 9, с. 333). Предметная метафора снижает образ солнца в сознании Наполеона. Отметим, что Наполеону у Толстого вообще не дано видеть звездное небо: «В половине шестого, Наполеон верхом ехал к деревне Шевардину. Начинало светать, небо расчистило, только одна туча лежала на востоке. Покинутые костры догорали в слабом свете утра. <...> Еще не отзвучали первые выстрелы, как раздались еще другие, еще и еще, сливаясь и перебивая один другой. Наполеон подъехал со свитой к Шевардинскому реду и слез с лошади. Игра началась» (Толстой, 1940, т. 11, с. 226).

Волюнтаризм и авантюризм Наполеона полностью противоположны возвышенному отношению Андрея: «“Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидел нынче?” было первою его мыслью» (Толстой, 1937, т. 9, с. 356).

«Следует отметить, что герои “Войны и мира” чувствуют себя в онтологической реальности и определяют себя в Мироздании по-разному, – пишет О. Б. Панова. – Для Пьера характерно нахождение в сакральной сердцевине Бытия; ощущение связи своей души с Богом, Вечностью, Мирозданием; чувство вневременного значения человеческой жизни; осознание себя неотъемлемой частью бесконечного Мира» (Панова, 2007, с. 25).

Приведем еще один фрагмент: «Было морозно и ясно. Над грязными, полутемными улицами, над черными крышами стояло темное, звездное небо. Пьер, только глядя на небо, не чувствовал оскорбительной низости всего земного в сравнении с высотой, на которой находилась его душа. При въезде на Арбатскую площадь, огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом, и длинным, поднятым кверху

хвостом, стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду, которая, как будто, с невыразимою быстротой пролетев неизмеримые пространства по параболической линии, вдруг, как вонзившаяся стрела в землю, влепилась тут в одно избранное ею место, на черном небе, и остановилась, энергично подняв кверху хвост, светясь и играя своим белым светом между бесчисленными другими, мерцающими звездами. Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе [подчеркнуто нами. – Э. К.] (Толстой, 1938, т. 10, с. 374–375).

Образ звездного неба отсылает к поэзии М. В. Ломоносова:

...Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна (Ломоносов, 1959, т. 8, с. 120).

Между тем образ бесконечных играющих звезд гораздо ближе Державину:

Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнца отъ Тебя рождаются;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкають,
Вратятся, зыблются, сияють,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой (Державин, 1864, т. 1, с. 197).

В связи со сказанным проследим отношение Пьера к Божественному Началу. В этом отношении для писателя характерно парадоксальное столкновение в душе героя веры и безверия: «С той минуты, как Пьер увидел это страшное убийство, совершенное людьми, не хотевшими этого делать, в душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой всё держалось и представлялось живым, и всё завалилось в кучу бессмысленного сора. В нем хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога. Это состояние было испытываемо Пьером прежде, но никогда с такою силой как теперь. <...> Он чувствовал, что возвратиться к вере в жизнь – не в его власти» (Толстой, 1940, т. 12, с. 44). Как только одно из состояний доведено до предела, совершается поворот к обратному: «Он не мог иметь цели, потому что он теперь имел веру, – не веру в какие-нибудь правила, или слова, или мысли, но веру в живого, всегда ощущаемого Бога. Прежде он искал Его в целях, которые он ставил себе. Это искание цели было только искание Бога; и вдруг он узнал в своем плену не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством, то, что ему давно уж говорила нянюшка: что Бог вот Он, тут, везде. Он в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитекторе вселенной» (после сна Пьера. – Э. К.; Толстой, 1940, т. 12, с. 205).

Интересно, что образ отражения большого в малом, вечности в ограниченном времени и пространством мире мы увидим позднее в словах *повествователя*: «Как солнце и каждый атом эфира есть шар, законченный в самом себе, и вместе с тем составляющий только атом недоступного человеку по огромности целого, – так и каждая личность носит в самой себе свои цели и между тем носит их для того, чтобы служить недоступным человеку целям общим» (Толстой, 1940, т. 12, с. 246). Здесь вновь дан принцип сопряжения, параллелизма, во многом позволяющий понять строчки Державина:

Подите, счастья, прочь, возможны!
Вы всё премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою
(«На смерть князя Мещерскаго», Державин, 1864, т. 1, с. 94).

Выводы

«Отношение к богу в оде Державина определяется не общим законом, которому должен себя подчинять человек, а индивидуальным чувством поэта, его восприятием мира и противоречий жизни. В философско-религиозных одах Державина авторское отношение к проблемам миропонимания проявляется в том, что поэт устанавливает сам для себя, открывает самому себе относительность, условность противопоставления человека богу, “песчинки” – космосу. Именно открытие этой относительности и взаимоперехода понятий сообщило авторскому отношению в философских одах Державина новый, особый по сравнению с философскими одами его предшественников характер», отмечает И. З. Серман (Серман, 1973, с. 79). Подобное понимание человека, его места в мироздании характерно раскрывается у Толстого, особенно в образе Пьера. Относительное и абсолютное не вне человека, а внутри его. Как они соотносятся и что из них важнее в тот или иной момент жизни, зависит от самого человека, его личностного осознания (мнимого или истинного). Жизненные события, выпадающие на долю человека, призваны проверить те мысли, чувства, принципы, которые сформировались в личностном мире на определенном этапе его развития. Гинзбург называет подобный образ жизни «“индивидуально оформленной” [вслед за Гегелем. – Э. К.] и вместе с тем расширяющейся действительностью» (Гинзбург, 1977, с. 15). Освоение мира личным «я» так же подвижно и изменчиво, как вечно текущий космос, по словам Державина, «Живый в движеньи вещества».

Источники

- Блудилина Н. Д. Г. Р. Державин и Л. Н. Толстой. <http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/articles/bludilina-derzhavin-i-tolstoj.htm>.
- Гачев Г. Д. (1981) Образ в русской художественной культуре. М., Искусство, 246 с.
- Гачев Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М., Советский писатель, 448 с.
- Гачев Г. Д. (2015) Космо-Психо-Логос. М., Академический Проект, 511 с.
- Гинзбург Л. Я. (1977) О психологической прозе. Л., Художественная литература, 449 с.
- Державин Г. Р. (2000) Записки (1743–1812). М., Мысль, 334 с.
- Колесников С. П. (2023) В ожидании «грозы»: Образы грядущей войны с Наполеоном в общественном сознании населения губерний Европейского Севера России. Историко-документальное и культурно-антропологическое изыскание. Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология», № 5 (63), с. 67–71. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-5-67-71.
- Кошечко А. Н. (2011) Психофизиологические особенности личности как основа формирования экзистенциального мирообраза в творчестве Ф. М. Достоевского. Вестник Томского государственного университета. Филология, № 4 (16), с. 93–110.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий (2001). Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., НПК «Интелвак», 799 с. (1600 стлб.).
- Ломоносов М. В. (1959) Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1280 с.
- Михельсон М. И. (1896–1912) Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). СПб., тип. Академии наук, 2208 с. https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/3937/%D0%BA%D0%B0%D0%BA.
- Панова О. Б. (2007) Мирообраз эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». Вестник Томского государственного университета, № 299. <https://cyberleninka.ru/article/n/miroobraz-epopei-l-n-tolstogo-voyna-i-mir>.
- Поляков О. Ю. (2015) Имагология. Киров, Изд-во ВятГУ, 184 с.
- Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий (2008). Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., Изд-во Кулагиной; Intrada, 358 с.
- Приказчикова Е. Е. (2019) Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя. Гуманитарный вектор, т. 14, № 5, с. 119–127.
- Серман И. З. (1973) Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., Изд-во «Наука», 284 с.
- Сочинения Державина (1864) / съ объяснительными примѣчаниями Я. Грота: в 3 т. Т. I, СПб., въ тип. Императорской Академіи наукъ, 812 с.
- Сочинения Державина (1865) / съ объяснительными примѣчаниями Я. Грота: в 3 т. Т. II, СПб., въ тип. Императорской Академіи наукъ, 736 с.
- Толстой Л. Н. (1937) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 9. Война и мир. Т. 1. М., Художественная литература, 538 с.
- Толстой Л. Н. (1938) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 10. Война и мир. Т. 2. М., Художественная литература, 442 с.

- Толстой Л. Н. (1940) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 11. Война и мир. Т. 3. М., Художественная литература, 479 с.
- Толстой Л. Н. (1940) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 12. Война и мир. Т. 4. М., Художественная литература, 433 с.
- Толстой Л. Н. (1953) Полное собрание сочинений. Под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 53. Дневники и записные книжки 1895–1899. М., Художественная литература, 598 с.
- Толстой Л. Н. (1937) Полное собрание сочинений / под общ. ред. В. Г. Черткова: в 90 т. Т. 56. Дневники, записные книжки и отдельные записки, 1907–1908. М., Художественная литература, 677 с.
- Янушкевич А. С. (2013) «Прочтение» и изображение мирообраза Рима в русской поэзии 1800–1840-х гг. Вестник Томского государственного университета. Филология, № 5 (25), с. 98–115.

References

- Bludilina N. D. G. R. Derzhavin i L. N. Tolstoj [G. R. Derzhavin and L. N. Tolstoj]. <http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/articles/bludilina-derzhavin-i-tolstoj.htm> (In Russian).
- Derzhavin G. R. (2000) Zapiski (1743–1812) [Notes (1743–1812)]. Moscow, My'sl' Publ., 334 p. (In Russian).
- Gachev G. D. (1981) Obraz v russoj khudozhestvennoj kul'ture [The image in Russian art culture]. Moscow, Iskustvo Publ., 246 p. (In Russian).
- Gachev G. D. (1988) Nacional'nyye obrazy mira [National images of the world]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 448 p. (In Russian).
- Gachev G. D. (2015) Kosmo-Psikhologos [Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 511 p. (In Russian).
- Ginzburg L. Ya. (1977) Opsikologicheskij proze [About psychological prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 449 p. (In Russian).
- Kolesnikov S. P. (2023) V ozhidanii "grozy": Obrazy gryadushhej vojny s Napoleonom v obshhestvennom soznanii naseleniya gubernij Evropejskogo Severa Rossii. Istoriko-dokumental'noe i kul'turno-antropologicheskoe izyskanie [Waiting for the "thunderstorm": Images of the coming war with Napoleon in the public consciousness of the population of the provinces of the European North of Russia. Historical-documentary and cultural-anthropological research]. Izvestiya Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Seriya "Istoriya i filologiya" – Proceedings of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The series "History and Philology", no. 5 (63), pp. 67–71. DOI 10.19110/1994-5655-2023-5-67-71 (In Russian).
- Koshechko A. N. (2011) Psikhofiziologicheskie osobennosti lichnosti kak osnova formirovaniya ekzistencial'nogo miroobraza v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Psychophysiological features of personality as the basis for the formation of an existential worldview in the work of F. M. Dostoevsky]. Tomsk State University. Journal of Philology, no. 4 (16), pp. 93–110 (In Russian).
- Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [The Literary Encyclopedia of terms and concepts] (2001). Chap. ed. and comp. A. N. Nikolyukin. Moscow, Intelvak Publ., 799 p. (In Russian).
- Lomonosov M. V. (1959) Polnoe sobranie sochinenij: v 11 t. [The complete works: in 11 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., vol. 8, 1280 p. (In Russian).
- Mikhelson M. I. (1896–1912) Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanij [Russian thought and speech. Your own and someone else's. The experience of Russian phraseology. A collection of figurative words and parables]. Saint-Petersburg, Akademiya nauk Publ., vol. 1–2, Walking and apt words. Collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbial expressions and individual words (allegories), 2208 p. https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/3937/%D0%BA%D0%B0%D0%BA (In Russian).
- Panova O. B. (2007) Miroobraz epopei L. N. Tolstogo "Vojna i mir" [The world image of Leo Tolstoy's epic "War and Peace"]. Tomsk State University. Journal of Philology, no. 299. <https://cyberleninka.ru/article/n/miroobraz-epopei-l-n-tolstogo-voyna-i-mir> (In Russian).
- Polyakov O. Yu. (2015) Imagologiya [Imagology]. Kirov, Vyatka State University Publ., 184 p. (In Russian).
- Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij [Poetics: a dictionary of current terms and concepts] (2008). Chief scientific editor N. D. Tamarchenko. Moscow, Kulaginoj Publ., Intrada Publ., 358 p. (In Russian).
- Prikazchikova E. E. (2019) Izobrazhenie monarkhov v russoj memuarnoj literature XVIII veka: v poiskakh obraza ideal'nogo pravatelya [The image of monarchs in the Russian memoir literature of the XVIII century: in search of the image of the ideal ruler]. Humanitarian Vector, vol. 14, no 5, pp. 119–127 (In Russian).
- Serman I. Z. (1973) Russkij klassicizm: Poeziya. Drama. Satira [Russian Classicism: Poetry. Drama. Satire]. Leningrad, Nauka Publ., 284 p. (In Russian).
- Sochineniya Derzhavina / s ob'yasnitel'nymi prim'chaniyami Ya. Grota: v 3 t. [Derzhavin's writings / with explanatory notes by J. Groth: in 3 vols] (1864) Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., vol. I, 812 p. (In Russian).
- Sochineniya Derzhavina / s ob'yasnitel'nymi prim'chaniyami Ya. Grota: v 3 t. [Derzhavin's writings / with explanatory notes by J. Groth: in 3 vols] (1865) Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., vol. 2, 736 p. (In Russian).
- Tolstoj L. N. (1937) Polnoe sobranie sochinenij. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 9, 538 p. (In Russian).

- Tolstoy L. N. (1938) *Polnoe sobranie sochinenij*. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 10, 442 p. (In Russian).
- Tolstoy L. N. (1940) *Polnoe sobranie sochinenij*. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 11, 479 p. (In Russian).
- Tolstoy L. N. (1940) *Polnoe sobranie sochinenij*. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 12, 433 p. (In Russian).
- Tolstoy L. N. (1953) *Polnoe sobranie sochinenij*. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 53, 598 p. (In Russian).
- Tolstoy L. N. (1937) *Polnoe sobranie sochinenij*. Pod obshh. red. V. G. Chertkova: v 90 t. [The complete works. Under the general editorship of V. G. Chertkov: in 90 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 56, 677 p. (In Russian).
- Janushkevich A. S. (2013) "Prochtienie" i izobrazhenie miroobraza Rima v russkoj poezii 1800–1840-kh gg. ["Reading" and the image of the world image of Rome in Russian poetry of the 1800s–1840s]. Tomsk State University. *Journal of Philology*, no. 5 (25), pp. 98–115 (In Russian).

Информация об авторах

Еремеев Александр Эммануилович

Доктор филологических наук, профессор,
ректор Омской гуманитарной академии,
г. Омск, РФ.
E-mail: nou_ogu@mail.ru

Коптева Элеонора Ивановна

Доктор филологических наук, доцент. Омский
государственный педагогический университет,
г. Омск, РФ. ORCID ID: 0000-0003-2409-6361.
E-mail: eleonora_kopteva@mail.ru

Author's information

Alexander E. Eremeev

Dr. Sc. (Philol.), Professor, Rector of the Omsk
Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: nou_ogu@mail.ru

Eleonora I. Kopteva

Dr. Sc. (Philol.), Associate Professor. Omsk State
Pedagogical University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-2409-6361.
E-mail: eleonora_kopteva@mail.ru